

НОВЫЙ МИР, НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК, НОВАЯ БИОГРАФИЯ: РЕВОЛЮЦИОННЫЙ НЕКРОЛОГ КАК ЖАНР АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹

Морозова Алла Юрьевна,
*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института российской истории РАН,
Россия, 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
allamorozova1992@gmail.com*

Аннотация

На основе анализа некрологов революционеров, принадлежавших к различным политическим партиям социалистического лагеря, в статье предпринята попытка реконструкции «идеала» революционного деятеля. Автор исходит из того, что анализ комплекса некрологов определенной социальной или общественной группы позволяет вычлениить те ценности, которые в данный период наиболее важны для конкретной группы, осуществить реконструкцию ее морально-этических представлений, являющихся одним из системообразующих факторов ее субкультуры. Показано, что уподобление революционного некролога житиям святых правомерно, во-первых, в силу тождества функций – создание образа «героя», на которого нужно равняться, и формирование «пантеона»; во-вторых, потому, что хотя революционеры в массе своей были людьми нерелигиозными, их революционная убежденность порой принимала религиозную окраску, становилась своего рода исповеданием новой веры, в рамках которой появлялись свои «святые» и «мученики». Термин «некролог» понимается достаточно широко. Анализу подвергались не только короткие заметки, сообщавшие о смерти того или иного человека, но и материалы мемуарного характера, биографические очерки, если они имели характер некролога, публиковались в рубриках типа «Памяти ушедших» и/или имели другие черты, свойственные данному жанру. На основе анализа некрологов, опубликованных в нелегальных газетах «Знамя труда» и «Пролетарий», в журнале «Каторга и ссылка», а также в эмигрантской прессе («Социалистический вестник» и «Новый журнал»), выделен набор черт характера и свойств человеческой личности, воспринимаемых как безусловно положительные, а также комплекс поступков и моделей поведения, которые характерны для настоящего

¹ Статья написана в рамках работы над проектом РФФИ № 19-09-00215 «Ментальность и субкультура российского революционера 60-х годов XIX в. – первой трети XX в.»

революционера и позиционируются как пример для подражания. Делается вывод о том, что гипотеза о схожести агниографической литературы и некрологов, происходящих из революционного лагеря, оправдала себя.

Ключевые слова: биографика, некролог, жития святых, агниографическая литература, субкультура революционной среды, кодекс поведения революционера, «идеальный революционер».

Библиографическое описание для цитирования:

Морозова А.Ю. Новый мир, новый человек, новая биография: революционный некролог как жанр агниографической литературы // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 2, ч. 2. – С. 333–350. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-333-350.

В современном понимании некролог представляет собой публикуемую в СМИ небольшую заметку, главной целью которой является сообщение о смерти человека, сопровождаемое некоторыми сведениями о его жизни и причинах смерти. Сам факт появления подобного материала свидетельствует о том, что редакция издания или его издатель считают данного человека достаточно значимым для общества и заслуживающим того, чтобы о его смерти было сообщено широкой публике. Очевидно, что некролог предполагает наличие в обществе представлений о ценности человеческой жизни, а также некой группы, которая разделит с автором некролога скорбь по покойному и исповедует те же ценности, которым он служил. При этом некрологи, как правило, анонимны или подписаны «группой товарищей» или тем или иным коллективом людей, так или иначе связанных с покойным. Набор сведений, сообщаемых в некрологе, также стандартен и ограничивается обычно профессиональной, общественной и политической жизнью покойного.

Некролог как жанр светской литературы появляется значительно позднее литературы агниографической, к которой отсылает название статьи, и имеет ряд кардинальных отличий от нее. Главное из них может быть кратко сформулировано следующим образом: «в некрологе говорится о том, что человек сделал для общества, а в житии – что он сделал для Бога» [19].

Здесь не место для подробного разговора об особенностях написания некрологов в разных странах и в разные исторические эпохи или о том, что в современной России жанр некролога практически умер, ибо это уведет нас далеко от темы данного исследования. Отмечу лишь одно из объяснений последнего факта, имеющее непосредственное отношение к предмету нашего исследования. В своей статье «Некролог как биографический жанр» и в интервью, данном К. Кобрину [19, 24], А.И. Рейтблат говорит о распаде горизонтальных и вертикальных связей в обществе, исчезновении соединяющих людей скреп: общих ценностей и общей культурной мифологии (исторических мифов, литературных и киноперсонажей и т. п.).

Рейтблат справедливо отмечает, что «любая социальная общность, ориентированная не на реализацию сиюминутных целей (как, например, участники ограбления банка или курортной игры в покер), а на длительное существование, вырабатывает определенные механизмы поддержания своей тождественности, причем в пространстве отождествление идет по принципу отличия от “чужих”, а во времени – по принципу подчеркивания связей со своими, жившими ранее, – “предками”» [24]. Поэтому в зависимости от того, кем подписан некролог (одиночкой, «товарищами», «соседями», «коллегами», «коллективом предприятия» и т. п.), можно судить о том, какая общность считает его своим членом, и не просто «своим», а заслуживающим публичного признания его заслуг. Таким образом, публикация некролога о том или ином человеке свидетельствует, с одной стороны, о том, что он достоин подобной публикации, с другой – что его жизнь может быть примером для живущих и идущих следом за ним.

Уподобление революционного некролога житиям святых, на мой взгляд, правомерно по целому ряду соображений. Эта параллель уже проводилась исследователями, в качестве пары для сравнения с житиями святых были избраны биографии революционных деятелей. Так, Е.К. Макаренко, анализирующая агиографию XX века с точки зрения проблемы жанра и методов его исследования, отмечает «особое место» «коммунистической агиографии, которая создавалась в новой идеологической культуре России XX века», и полагает, что «очень интересна в связи с этим житийная традиция в повестях и биографиях 1920–1940-х гг., в которых по житийной схеме создаются биографии “великих” вождей революции, так называемая лениниана и сталиниана». В то же время исследовательница обращает внимание на то, что «агиография святых-самозванцев XX века развивается как своего рода антижанр, когда при формальном соблюдении житийного жанрового канона содержанием наполняется жизнь не христианского святого, а гонителей христианской веры и церкви, антисвятых» [17, с. 96].

Ю.А. Сафронова, рассматривающая «обширный комплекс текстов революционных народников, включающий в себя автобиографии, воспоминания и биографии погибших товарищей» как «коллективный нарратив или коллективную автобиографию» и обращающаяся «к раннему этапу его создания, происходившему параллельно с самим движением», полагает, что «несмотря на неоднократно высказанные предположения², что агиография как жанр может служить образцом для анализа революционных биографий и автобиографий, они скорее относятся к интуициям исследователей, поскольку попыток систематического изучения биографий и ав-

² Ю.А. Сафронова приводит точки зрения Х. Хугенбума [37] и О.Б. Леонтьевой [15].

тобиографий народников в таком ключе не предпринималось. Очевидно, что выбор контекста сравнения задается самой народнической литературой и осмыслением ее авторами себя и своего жизненного пути в категории «христианского мифа» [27]. Она исследует ранний этап создания коллективного нарратива поколения народников 1870-х, фокусируя внимание на «финальном эпизоде биографии революционера – мученичестве во имя идеи», которое она анализирует «в контексте религиозного мученичества». В итоге Ю.А. Сафронова приходит к выводу, что «радикальное сходство агнографической литературы с ранними биографиями революционеров» определяется «именно апелляцией к одному и тому же первоначальному тексту, а также тождеством функций» [27].

В данной статье на основе анализа некрологов революционеров, принадлежавших к различным политическим партиям социалистического лагеря, предпринята попытка реконструкции «идеала» революционного деятеля. На наш взгляд, анализ комплекса некрологов определенной социальной или общественной группы позволяет вычленить те ценности, которые в данный период наиболее важны для этой группы, осуществить реконструкцию ее морально-этических представлений, являющихся одним из системообразующих факторов ее субкультуры. Складывавшийся в России на протяжении второй половины XIX – начала XX века революционный социум формировал свою субкультуру, ядром которой (как и в любой другой субкультуре) были представления о должном и недопустимом поведении, критерии различения свой/чужой и т. п. Неотъемлемым и весьма важным звеном в процессе формирования новой общности людей, объединенных не социальным происхождением, не национальностью, не местом рождения или проживания, а лишь исповедуемыми ими общими ценностями, убеждениями и целями, было создание своего рода «революционного пантеона».

И хотя революционеры в массе своей были людьми нерелигиозными, и в революционной прессе часто говорилось о недопустимости слепого поклонения авторитетам, некий идеальный образец для подражания был необходим. В том числе и потому, что с вступлением в революционное движение представителей низовых слоев общества появилась необходимость адаптации сложных теоретических построений, описывающих цели и задачи этого движения. Одной из функций революционных некрологов и было создание образов героев, на которых можно и нужно равняться.

С другой стороны, революционная убежденность порой принимала религиозную окраску, становилась своего рода исповеданием новой веры (и здесь стоит упомянуть о таких течениях, как богоискательство и богостроительство), в которой появлялись свои «святые» и «мученики», «жития» которых и появлялись в форме некрологов.

В ходе настоящего исследования анализу подвергались некрологи, опубликованные в нелегальных газетах «Знамя труда» (центральный орган ПСР, 1907–1914) и «Пролетарий» (центральный орган большевистской фракции РСДРП, 1905 и 1906–1909), в журнале «Каторга и ссылка», издававшемся Обществом политкаторжан и ссыльнопоселенцев в Советской России/СССР в 1921–1935 гг., а также в эмигрантской прессе («Социалистический вестник», издававшийся Заграничной делегацией РСДРП в 1921–1965 гг. последовательно в Берлине, Париже и Нью-Йорке; «Новый журнал», выходящий с 1942 г. в Нью-Йорке как продолжение парижских «Современных записок»).

В данном исследовании некролог понимается достаточно широко. Анализировались не только сообщения о смерти того или иного человека, но и материалы мемуарного характера. Биографические очерки, если они имели характер некролога, публиковались в рубриках типа «Памяти ушедших» и/или имели другие черты, свойственные данному жанру. Например, практически в каждом номере журнала «Каторга и ссылка» был раздел «Лики отошедших», в котором размещались как «классические» некрологи, т. е. сообщения о смерти того или иного члена Общества с краткой характеристикой его революционной биографии, заголовок которых оформлялся траурной рамкой и состоял из фамилии, имени и отчества покойного и дат его жизни (см., например, [34]), так и более объемные материалы, представлявшие собой воспоминания о покойном или биографические очерки. Для анализа использовались лишь те, которые стилистически и содержательно могут быть отнесены к жанру некролога по следующим параметрам: наличие в публикации ритуальных слов о «тяжелой потере», «светлой памяти», «большой утрате»; заголовок «Памяти такого-то», общая «поминальная» тональность публикации [32, 35].

Специфической особенностью раздела «Лики отошедших» является публикация в нем своего рода «отсроченных» некрологов, посвященных людям, погибшим или умершим много лет назад, когда подобные материалы о них не могли появиться в печати [23, 28]. Впрочем, публикация некролога не сразу после смерти человека, а спустя некоторое время – когда стало известно об этом – практиковалась и ранее. Так, в № 21–22 «Знамени труда» (сентябрь 1909 г.) была напечатана заметка «Памяти тов. А.В. Чернявской» [21], в которой отмечалось, что помянуть покойную приходится спустя более полугода после ее смерти, так как известие об этом пришло слишком поздно [11].

Можно констатировать, что набор черт характера и свойств человеческой личности, воспринимаемых как безусловно положительные, а также комплекс поступков и моделей поведения, которые характерны для настоящего революционера и являются примером для подражания, в целом еди-

ны для этих источников, хотя, разумеется, есть и отличия, обусловленные партийной принадлежностью авторов и изданий.

Так, в некрологах, опубликованных в большевистском «Пролетарии» (к слову сказать, очень немногочисленных, в отличие от «Знамени труда»), с несомненной положительной коннотацией упоминаются «страстная любовь к партии» [31] и «беззаветная преданность партии» [30], не встречающиеся в изданиях эсеров и бывших политкаторжан. В меньшевистском «Социалистическом Вестнике» и вовсе утверждалось, что «верность партии иногда бывает консервативной добродетелью. Верность знамени социал-демократии, которую показал за 20 лет своей сознательной политической жизни Василий Кононенко, была добродетелью героической» [3, с. 15–16]. А в статье, посвященной 10-летию со дня смерти эсера Н.Д. Авксентьева, опубликованной в «Новом журнале», М.В. Вишняк обращает внимание на то, что «Николай Дмитриевич не видел с а м о ц е л и в партиях. Не видел он ее и в с в о е й партии, к которой принадлежал без малого 40 лет. Отсюда и положительное отношение Авксентьева ко всякого рода “сложению сил” и образованию блоков, союзов и коалиций с соседними политическими и общественными группировками» [8].

Композиционные, стилистические и содержательные особенности анализируемых текстов предопределены их принадлежностью к жанру некролога и принадлежностью их героев к определенному социуму, спецификой адресной аудитории и теми целями, которые преследует публикация. Некролог о революционере не должен был вызывать чувства скорби и печали об ушедшем, его задача – призвать оставшихся в живых к сплочению в стройные ряды для отмщения или продолжения дела погибшего, дать пример для подражания. Не случайно революционные некрологи лишены ритуальных слов о соболезновании родным и близким – ведь уходя в революцию, человек, как правило, рвал со своей семьей и родственным окружением. Новая же его семья – товарищи по борьбе – не нуждаются в соболезнованиях, ибо и сами готовы погибнуть в борьбе за идеалы. Так, некролог о М.А. Прокофьевой заканчивался словами: «Больно и тяжело сознавать, что уже нет на свете дорогого и незабвенного товарища – Марии Алексеевны... Но к чему теперь бессильные слова сожаления и печали. Будем счастливы сознанием, что здесь, на земле, среди нас жила и боролась вместе с нами прекрасная русская девушка, чистая сердцем и возвышенная душой» [7].

Некрологи о революционерах, как правило, не сообщают нам о частных подробностях их жизни, отмечая лишь факты участия в революционной борьбе, аресты, тюремные сроки и ссылки и причастности к тем или иным революционным событиям. И этим они близки к житийной литературе, в которой из биографии святого или подвижника подлежали ото-

бражению лишь те моменты, которые приводили его к служению Господу или заставляли преодолевать различные препятствия на этом пути.

Из личных качеств на первый план выступают те, которые соответствуют образу пламенного борца за светлое будущее: воля, решимость, негибкость, преданность делу, готовность пожертвовать собой ради товарищей и торжества идеи. И в житийных жизнеописаниях мы видим их героев набожными людьми, готовыми пострадать за веру.

Наиболее часто встречающееся свойство личности настоящего революционера – безусловный приоритет общего дела над частной жизнью, личными потребностями: «...он отошел от своих семейных дел, возможной женитьбы и всё сильнее стремился приложить свои силы к общественному делу» [11]; «Чувствовалось, что его жизнь, его личность неотделимы от общественных идеалов, служению которым он посвятил себя» [18]; «Дело было для него не отвлеченной ценностью, а живую жизнь, центральным нервом его существования» [29]; «И хотя он был женат и имел троих детей, но квартира его служила революционным штабом для всей организации» [10, с. 149]; «У него была жена, был ребенок. Он был трогательно привязан к семье, но отдал себя делу партии. Те, которые знали Кунина, были уверены: он не уйдет в личную жизнь, не отойдет от политики, не возьмет даже короткого отпуска от службы партии» [2, с. 16]; «Это “надо” было всегдашним ее аргументом при решении больших и малых дел. Раз “надо”, хоть разорвись, а делай! Через всю ее хрупкую жизнь прошло это магическое слово, закрепляя характер гордой девушки» [35].

Как одно из проявлений приоритета общего над личным, часто упоминается готовность и стремление участвовать в борьбе, быть полезным, несмотря на болезненное состояние, порой крайне тяжелое и даже опасное для жизни: «Лежа в постели, почти не шевелясь, он шепотом диктовал статьи для периодических изданий» [6]; «Физически разбитая, измотавшаяся в постоянной борьбе с материальной нуждой, преследовавшей ее долгие годы, – она выглядела полуживой. И несмотря на это – А.В. требовала партийной работы. Не хотела быть инвалидом» [1]; «Дальнейшее существование ее – это в сущности острая борьба между жизнью и смертью, но даже в таком состоянии В.Ф. находила в себе силы в том или другом виде быть полезной партии... и зимой 1905 г., напрягая последние силы, с повышенной температурой, отправлялась не раз на крестьянские митинги (в ямбургском уезде Пб. губ.) и там выступала со своими убежденными, горячими речами» [22]; «Всегда больная, немощная, она не переставала жить духовно, и чуть вставала на ноги, уже бралась за труд» [35].

Товарищеские отношения, забота о товарищах также отмечались как важное положительное качество революционера: «В его отношениях к товарищам сразу чувалось, что товарищи дороги и близки ему просто как люди,

имеющие свои чувства, нужды, заботы», он лишал себя всего, чтобы помочь товарищам [29]; «превосходный, подчас нежный товарищ» [32, с. 194]. Товарищеские отношения ценились столь высоко, что иногда они оттесняли даже партийные разногласия: «В тюрьме и в ссылке, по крайней мере для нас, резкость партийных различий ступшеывалась, и на первый план выступал человек, товарищ, революционер. Самые хорошие воспоминания остались у меня в этом направлении о Богдане Минаевиче» [18].

Еще одно важное качество настоящего революционера – это его стойкость и несгибаемость, сила духа, деятельная вера в победу исповедуемых идеалов: «Сила духа его зажигала сердца – и там, где среди всеобщей типшины горя и мертвечины разрушения появлялся Михалевиц, одно его появление вызывало наружу новые силы, новых людей и начинала расти и крепнуть новая организация, новый форпост борьбы» [26]; «Неудачи не отнимали у Л.И. ни энергии, ни веры в конечную победу» [12]; «Он произвел сильное впечатление своей внутренней силой, вдумчивостью и серьезным отношением к делу. От всей его крепкой, молодой фигуры веяло какой-то первобытной стихийной силой, твердостью и решимостью. Весь он был как бы вылитый из железа, и казалось, что эта мускулистая шея не согнется ни перед чем» [11]; «Чувствовалось, что этот не согнется, не размагнитится, что до конца своих дней он останется всё тем же. И действительность показала, что это было правдой» [18]; «Трезвый идеалист, Аронс никогда не хотел думать, что азефовщина или временная сумятица могут надолго заглушить работу Партии. Он искренно и горячо верил в торжества старого революционного клича, старого и вместе с тем вечно нового» [6]; «Нытье совершенно не было присуще А.Ю. – он был слишком гордым и сильным человеком, чтобы поддаваться унынию и проявить хотя бы минутную слабость» [32, с. 194].

Одной из важных составляющих кодекса поведения революционера было его поведение в тюрьме и на суде. Согласно неписаным правилам, революционер должен был стойко переносить наказание, не идти на сотрудничество с властями и мужественно встретить смерть. Подобное поведение неоднократно отмечалось авторами некрологов как пример, достойный подражания: «В тюрьме, в ожидании приговора, зная, что будет смертельный исход, Л.И. Зильберберг был сдержанно спокоен всё время. Сторожившие его ни разу не заметили в нем и тени волнения. Это вызвало в них невольное и глубокое уважение... Спокойствие и замкнутость мысли и чувства не оставили его до конца. Без слов, без речей проходит он, молчаливый, мимо судей – к эшафоту» [12]; «На суде держал себя с достоинством и отказался от всякой защиты» [14].

Содержание некролога и набор черт, присущих усопшему, варьировались в зависимости от условий публикации. В некрологе, напечатанном в

нелегальной прессе, человек мог фигурировать под партийным псевдонимом или кличкой [25]. Более того, иногда по конспиративным условиям даже настоящую кличку считали невозможным назвать и заменяли другой. От этого образ героя еще более генерализуется, становится в еще большей степени символом, примером для подражания.

Объяснение этому очевидно: «Нам редко приходится говорить о безвестных героях, которыми держалась и держится наша нелегальная организация. Ведь только их смерть да иногда случаи особенно чудовищной и наглой расправы с ними позволяют нам называть их имена и приоткрывать краешек завесы, скрывающей от всего мира и большею частью даже от их собственных сотоварищей по партии их самоотверженную работу. Но только краешек... Ведь и у раскрытой свежей могилы павшего на посту бойца уста сковывает опасение рассказом о его подвиге нанести вред тем соратникам, с которыми он этот подвиг творил и которые продолжают нести водруженное им знамя. Ведь и перед лицом самой беспощадной расправы с лучшими и преданнейшими работниками пролетарского освобождения приходится думать о том, чтобы не дать новой пицци безграничной мстительности палачей...» [20, с. 15].

В некрологах о старых революционерах, публиковавшихся в советское время, неизменно подчеркивалось их героическое прошлое, заслуги в борьбе со старым режимом и старательно обходились, затушевывались или объявлялись ошибками и уклонениями их разногласия с генеральной линией партии (если же таковые перевешивали заслуги перед революцией, то некролог просто не публиковался).

Характерным примером такого рода может служить целый комплекс материалов памяти И.М. Ромма, опубликованный в разделе «Лики отошедших» в № 47 «Каторги и ссылки» (№ 10 за 1928 г.). Статья «Памяти друга и товарища», написанная большевиком М. Фрумкиным, начинается так: «Илья Максимович не был большевиком, я даже сказал бы, что по всему своему психическому укладу, по своей натуре ему трудно было быть большевиком. Он долгое время стоял в рядах меньшевиков-партийцев, за последнее время в нем, я думаю, преобладали меньшевистские настроения, но в нем не было брюзжащей обывательщины, он оставался революционером, преданным по-своему рабочему делу... Он отошел от широкой политической работы. Он не воспринял Октября, грозы и бури Октября отбросили его, но в нем остался живой дух; он не шел вместе с нами, но понимал, сознавал и говорил, что мы творим великое революционное дело» [33, с. 141, 142]. В конце статьи автор выражает уверенность в том, что «еще год-другой – и в нем созрело бы то, что уже начало проявляться. Он болезненно переживал трагедии отхода от живой работы. Он опять пошел бы в массовую работу, он опять слился бы с рабочим классом, сотворившим

Октябрь и творящим новую жизнь. Рабочий класс вновь обрел бы еще одного преданного ему всей душой друга» [33, с. 141, 142].

В статье Д. Гершановича, бывшего в 90-е годы XIX в. членом подпольного кружка, занятия в котором вел И.М. Ромм, также подчеркивается: «Октябрьского переворота Илья Максимович не принял, как его не приняли очень многие старые революционеры и даже некоторые бывшие большевики. Но это была трагедия, в особенности для Ильи Максимовича. При его бесконечной искренности, при его кристальной чистоте ему особенно трудно было пережить всё то, что пережили мы все. Формально отойдя от большой политической дороги, он в тиши своей скромной квартирки до последних дней не переставал чутко прислушиваться к шумному и резкому прибою жизненных волн как нашего Советского Союза, так и всего буржуазного мира, до последних минут жизни оставаясь редким по своему душевному складу товарищем и другом для немногочисленной группы его современников и соратников, в числе которых, повторяю, немало и большевиков» [9, с. 146].

Характерны в этом отношении и некрологи А.А. Богданова – крупнейшего социал-демократического мыслителя, философа, в годы революции 1905–1907 гг. бывшего «вице-лидером» (а для российских работников, пожалуй, и лидером) большевистской фракции. После раскола его союза с В.И. Лениным и ухода от активной партийной деятельности, а в особенности после масштабной антибогдановской и антипролеткультовской кампании 1920-х гг., имя Богданова замалчивается или упоминается исключительно в негативном контексте. Тем не менее в обширном некрологе, опубликованном в «Правде», его соратник А.В. Луначарский очень высоко оценивал его вклад: «Не мне и не здесь говорить о том, не принесли ли того или другого вреда те или другие ошибки Александра Александровича Богданова, но я твердо знаю, что об этом замечательном человеке и социалисте лучшие люди будут всегда вспоминать с высоким уважением» [16].

А Н.И. Бухарин, выступая на гражданской панихиде, отмечал, что «в лице Александра Александровича ушел в могилу человек, который по энциклопедичности своих знаний занимал исключительное место не только на территории нашего Союза, но и среди крупнейших умов всех стран. Это – поистине редчайшее качество среди работников революции» [5, с. 385]. Отмечая с прискорбием тот факт, что «события, потрясшие мир, провели глубокую трагическую борозду между ним и партией и обрекли его на политическую пассивность», в результате чего «Богданов удалился от партии и перестал существовать как политик», Бухарин подчеркивал, что «в бытность Александра Александровича политическим борцом его большевистская теория не расходилась с практикой, и он был круп-

нейшим революционным организатором, подпольным работником и лидером партии». И даже уйдя от партийной деятельности и сосредоточившись на научных изысканиях, Богданов жил и работал во имя будущего, и сама смерть его в результате поставленного на себе эксперимента «есть прекрасный подвиг человека, который сознательно рисковал своей индивидуальной жизнью, чтобы дать могучий толчок развитию человеческого коллектива» [5, с. 385].

Некрологи о революционерах, опубликованные в эмигрантской прессе, различаются в зависимости от партийной принадлежности и направленности издания, а также от времени публикации. Так, некрологи в «Социалистическом вестнике» 20–30-х гг. продолжают традицию боевого некролога дооктябрьской поры, что объясняется, с одной стороны, четкой политической направленностью издания, с другой – остротой противостояния социалистов и большевистского режима. Так, в некрологе об А.Ф. Девяткине подчеркивалось, что из жизни ушел «цветущий, жизнерадостный, полный сил и энергии боец, товарищ и друг». Завершается этот некролог словами: «только диктаторствующая сейчас клика обойдет молчанием жизнь и гибель этого подлинного пролетария, этого неутомимого борца за рабочее дело – за социализм и демократию. Оно и естественно. Девяткины, которых в рабочем классе в конечном счете не истребить никакими бичами и скорпионами, – это грозная опасность для диктатуры и вечное грозное напоминание, что настанет час и она исчезнет, как тать в ночи, а дело, которому служил так стойко и мужественно А.Ф., будет вечно жить и торжествовать» [13].

В некрологах, опубликованных в «Новом журнале», подчеркиваются приверженность общедемократическим ценностям, идеалам свободы и прав личности. Так, например, в статье, посвященной 10-летию со дня смерти Н.Д. Авксентьева, М.В. Вишняк много места уделяет характеристике правого эсерства, с которым неразрывно связано имя Авксентьева, и подчеркивает, что правый эсер чужд духа разрушения, что он исполнен духа свободы, что социализм для него – это общество свободных людей. Он также обращает внимание на солидарность Авксентьева с высказыванием Т. Масарика «Мой социализм – просто любовь к ближнему» [8, с. 291].

Сам факт публикации некролога о конкретном человеке в конкретном издании говорит о многом. Так, некролог о большевике Б.М. Кнунынце, подписанный инициалами Н.Д. и опубликованный в эсеровском «Знамени труда» [18], в котором проводится мысль о том, что, несмотря на партийные разногласия и «соперничество партий», которое «отдаляет и охлаждает», товарищеские отношения между революционерами могут и должны быть сильнее того, что их разделяет, дает еще одно свидетельство того, что на личном уровне отношения между членами двух ведущих револю-

ционных партий России – РСДРП и ПСР – зачастую были выше межпартийной полемики и объединительные настроения были довольно сильны.

О стремлении к преодолению разногласий и достижению единства всех революционных и социалистических сил России говорит и выделение в качестве одной из наиболее важных черт характера Августа Бебеля «его ясное понимание значения единства социалистического движения, чуждое доктринерского буквоедства» и подчеркивание того, что «он не устал призывать к единству и русских социалистов» [4].

В заключение еще раз подчеркнем, что предпринятое нами исследование отнюдь не претендует на исчерпывающую полноту. Однако и находясь на начальном этапе исследования, мы можем сделать следующие выводы. Гипотеза о схожести агиографической литературы и некрологов, происходящих из революционного лагеря, оправдала себя. Как уже отмечалось в начале статьи, главным отличием между жанрами является основополагающая посылка: житие описывает деяния во имя Бога, революционный некролог – во имя партии, будущего, революции, всего человечества и т. п. Но если отвлечься от этого отличия, то мы увидим немало схожих черт в произведениях этих разных жанров. В обоих случаях «главным героем» произведения становится реальный человек, теми или иными своими поступками или качествами души и характера заслуживший почет, уважение, преклонение своих современников и достойный того, чтобы о его подвигах узнали потомки. В обоих случаях в биографии героя показываются те события (знамения!), которые предсказывали будущее его подвижничество или подвиги, или же подчеркиваются те неблагоприятные обстоятельства его жизни, вопреки которым он всё же смог стать достойным человеком. И если «целью жития было прославить героя, сделать его образцом для последователей и почитателей», поскольку «житие не биография, а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого в житии не портрет, а икона» [36], то ведь и в некрологах мы не найдем описания отрицательных черт персонажа, а недостаточное его соответствие социальному идеалу, как правило, характеризуется в терминах допущенных им «ошибок», «недопонимания» и проч., т. е. всячески сглаживается.

На наш взгляд, революционный некролог как источник недооценен исследователями. Он способен дать сведения отнюдь не только о биографии того или иного человека, но и о системе ценностей определенного социума, к которому принадлежал покойный. Говоря о перспективах исследования затронутой нами темы, отметим, что революционные некрологи настолько многочисленны, что могут быть изучены как массовые источники с применением соответствующего инструментария или же как метатекст. На наш взгляд, интересно будет и историко-филологическое

исследование с составлением частотного словаря, а также сравнительный анализ некрологов, написанных в разные периоды представителями разных ветвей революционного лагеря.

Литература

1. А.А. Памяти тов. А.В. Чернявской // Знамя труда. – 1909. – № 21–22.
2. А.Ш. Абрам Кунин // Социалистический вестник. – 1933. – № 9.
3. А.Ш. Василий Кононенко // Социалистический вестник. – 1933. – № 9.
4. Август Бебель [Некролог] // Знамя труда. – 1913. – № 52.
5. Бухарин Н.И. Памяти А.А. Богданова (Речь на гражданской панихиде) // Богданов А.А. Тектология (всеобщая организационная наука). – М.: Экономика, 2014. – Кн. 2.
6. Б-ъ. Генрих Абрамович Аронс [Некролог] // Знамя труда. – 1912. – № 47.
7. В.А. Памяти Марии Алексеевны Прокофьевой // Знамя труда. – 1913. – № 52.
8. Вишняк М.В. Н.Д. Авксентьев (К 10-летию со дня смерти) // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1953. – Кн. 33.
9. Гершанович Д. И.М. Ромм («Герасим Федорович») // Каторга и ссылка. – 1928. – № 10.
10. Зевина А. Из воспоминаний о И.М. Ромме // Каторга и ссылка. – 1928. – № 10.
11. Ив.Ив. Памяти Афанасия Стасюка // Знамя труда. – 1910. – № 30.
12. Ирина. Памяти Л.И. Зильберберга и В.М. Сулятицкого // Знамя труда. – 1910. – № 30.
13. Кефали А. Александр Федорович Девяткин // Социалистический вестник. – 1932. – № 7.
14. Леван Максимыч. Памяти тов. Д. Дейсадзе // Знамя труда. – 1913. – № 49.
15. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX века. – Самара: [б. и.], 2011. – 447 с.
16. Луначарский А.В. А.А. Богданов [Некролог] // Правда. – 1928. – 10 апреля.
17. Макаренко Е.К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 95–102.
18. Н.Д. Богдан Минаевич Кнунянц [Некролог] // Знамя труда. – 1911. – № 36.
19. Нормативный разговор о мертвых (Интервью А.И. Рейтблата К. Кобрину) // Гуманитарная копилка Кирилла Кобрин. – М., 2014. – Вып. 63. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/4182> (дата обращения: 18.05.2020).
20. Памяти погибших // Социалистический вестник. – 1933. – № 9.
21. Памяти тов. А.В. Чернявской // Знамя труда. – 1909. – № 21–22.
22. Памяти товарища Варвары Федоровны Кожевниковой // Пролетарий. – 1906. – № 10.
23. Прибылев А.В. Памяти К.Ф. Багряновского // Каторга и ссылка. – 1926. – № 7.

24. *Рейтблат А.И.* Некролог как биографический жанр // Рейтблат А.И. Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. – М., 2014. – С. 195–202.
25. *С.Р.* Памяти «неизвестного», убившего ф. Лауница // Знамя труда. – 1907. – № 3.
26. *С.Ф. Михалевич* [Некролог] // Знамя труда. – 1911. – № 38.
27. *Сафронова Ю.А.* Революционная мартирология: ранние биографии народников в контексте религиозного мученичества // Революционные биографии в XIX и XX столетии. Имперские – интер/национальные – деколониальные: 3-я ежегодная конференция Фонда им. Макса Вебера, Москва, 21–23 сентября 2017 г. – М., 2017.
28. *Сибиряков С.* Борис Берков // Каторга и ссылка. – 1927. – № 2.
29. *Волжский С.* Памяти тов. Алексея Дмитриевича Добросмыслова // Знамя труда. – 1909. – № 21–22.
30. Тов. Арчил Леванович Джапаридзе [Некролог] // Пролетарий. – 1909. – № 41.
31. Тов. Степко – Ваню Инцкирвели [Некролог] // Пролетарий. – 1908. – № 34.
32. *Фрейфельд Л.В.* Памяти старого товарища и друга [А.Ю. Фейта] // Каторга и ссылка. – 1927. – № 2 (31).
33. *Фрумкин М.* Памяти друга и товарища // Каторга и ссылка. – 1928. – № 10.
34. *Я.П. Иващенко* [Некролог] // Каторга и ссылка. – 1927. – № 2.
35. *Якимова А.* Памяти М.А. Коленкиной-Богородской // Каторга и ссылка. – 1927. – № 2.
36. *Яковлева А.* Житие как жанр древнерусской литературы // Православие.ру. – 2019. – 13 марта. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/119869.html> (дата обращения: 18.05.2020).
37. *Hoogenboom H.* Vera Figner and Revolutionary Autobiographies: The Influence of Gender on Genre // Women in Russia and Ukraine / ed. by R. Marsh. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Статья поступила в редакцию 14.11.2019.

Статья прошла рецензирование 11.01.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-333-350

NEW WORLD, NEW MAN, NEW BIOGRAPHY: REVOLUTIONARY OBITUARY AS A GENRE OF HAGIOGRAPHIC LITERATURE

Morozova Alla,

Cand. of Sc. (History),

Senior scientific researcher,

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,

19 Dm. Ulyanov St., Moscow, 117292, Russian Federation

allamorozova1992@gmail.com

Abstract

Based on the analysis of the obituaries of the revolutionaries belonging to different political parties of the socialist camp, the article attempts to reconstruct the “ideal” of the revolutionary figure. The author proceeds from the fact that the analysis of the complex of obituaries of a certain social or public group allows to identify those values that are most important for a particular group at the given time, to carry out the reconstruction of its moral and ethical ideas, which are important system-forming factors of its subculture. According to the author of the article, the similarity of the revolutionary obituary to the lives of saints is lawful, firstly, by virtue of the identity of functions - the creation of an image of a “hero”, which served as an example to follow and the formation of a “pantheon”; secondly, because although the revolutionaries were largely nonreligious people, the revolutionary conviction sometimes took a religious connotation, became a kind of confession of a new faith, in which their “saints” and “martyrs” appeared. The term “obituary” is understood quite broadly, and not only short notes about a person’s death were analyzed, but also memoir materials, biographical essays, having a character of an obituary, which were published in sections such as “Memory of the Departed” and / or had other features peculiar to this genre. On the basis of the analysis of obituaries published in the illegal newspapers “Znamya Truda” and “Proletary”, in the journal “Penal Servitude and Exile”, as well as in the emigrant press (“Socialist Vestnik” and “Noviy Zhurnal”), the author highlights a complex of traits of character and properties of the human personality, perceived as undoubtedly positive, as well as a complex of actions and behavioral patterns that are characteristic of a true revolutionary and are positioned as an example to follow. The author also comes to the conclusion that the hypothesis of similarity of hagiographic literature and obituaries originating from the revolutionary camp has proved to be true.

Keywords: biography, obituary, hagiography, revolutionary subculture, code of conduct of a revolutionary, “ideal revolutionary”.

Bibliographic description for citation:

Morozova A. New World, New Man, New Biography: Revolutionary Obituary as a Genre of Hagiographic Literature. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 2, pt. 2, pp. 333–350. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-333-350.

References

1. A.A. Pamyati tov. A.V. Chernyavskoi [In Memory of Comrade A.V. Chernyavskaya]. *Znamya truda = Labor Flag*, 1909, no. 21–22. (In Russian).
2. A.Sh. Abram Kunin. *Sotsialisticheskii vestnik = Socialist Newsletter*, 1933, no. 9. (In Russian).
3. A.Sh. Vasiliï Kononenko. *Sotsialisticheskii vestnik = Socialist Newsletter*, 1933, no. 9. (In Russian).
4. Avgust Bebel' (Nekrolog) [August Bebel. Obituary]. *Znamya truda = Labor Flag*, 1913, no. 52.
5. Bukharin N.I. Pamyati A.A. Bogdanova (Rech' na grazhdanskoï panikhide) [In Memory of A.A. Bogdanov (Speech at the Civil Funeral Service)]. *Tektologiya (vseobshchaya organizatsionnaya nauka)* [Tectology (General Organizational Science)]. Moscow, Ekonomika Publ., 2014, bk. 2.
6. B. Genrikh Abramovich Arons (Nekrolog) [Henry Abramovich Arons. Obituary]. *Znamya truda = Labor Flag*, 1912, no. 47.
7. V.L. Pamyati Marii Alekseevny Prokof'evoi [In Memory of Maria Alekseevna Prokof'eva]. *Znamya truda = Labor Flag*, 1913, no. 52.
8. Vishnyak M.V. N.D. Avksent'ev (K 10-letiyu so dnya smerti) [To the 10th Anniversary of Death]. *Novyi zhurnal = New Magazine*, 1953, bk. 33.
9. Gershanovich D. I.M. Romm ("Gerasim Fedorovich"). *Katorga i sylka = Catorgue and Exile*, 1928, no. 10. (In Russian).
10. Zevina A. Iz vospominanii o I.M. Romme [From the Memoirs about I.M. Romm]. *Katorga i sylka = Catorgue and Exile*, 1928, no. 10.
11. Iv.Iv. Pamyati Afanasiya Stasyuka [In Memory of Afanasy Stasyuk]. *Znamya truda = Labor Flag*, 1910, no. 30.
12. Irina. Pamyati L.I. Zil'berberga i V.M. Sulyatitskogo [In Memory of L.I. Zil'berberg and V.M. Sulyatitskiy]. *Znamya truda = Labor Flag*, 1910, no. 30.
13. Kefali A. Aleksandr Fedorovich Devyatkin. *Sotsialisticheskii vestnik = Socialist Newsletter*, 1932, no. 7. (In Russian).
14. Levan Maksimych. Pamyati tov. D. Deisadze [In Memory of Comrade D. Deisadze]. *Znamya truda = Labor Flag*, 1913, no. 49.
15. Leont'eva O.B. *Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiiskoi kul'ture XIX – nachala XX veka* [Historical Memory and Images of the Past in the Russian Culture of the XIX – Early XX Century]. Samara, 2011. 447 p.
16. Lunacharskii A.V. A.A. Bogdanov (Nekrolog) [A.A. Bogdanov. Obituary]. *Pravda = Truth*, 1928, 10 April.
17. Makarenko E.K. Agiografiya XX veka. Problema zhanra i metodov ego issledovaniya [Hagiography in the 20th Century: the Problem of the Genre and the Methods of Investigating it]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Philological Journal*, 2011, no. 1, pp. 95–102.
18. N.D. Bogdan Minaevich Knunyants (Nekrolog) [Bogdan Minaevich Knunyants. Obituary]. *Znamya truda = Labor Flag*, 1911, no. 36.

19. Normativnyi razgovor o mertvykh (Interv'yū A.I. Reitblata K. Kobrinu) [Normative Talk about the Dead (Interview with A.I. Reitblat of K. Kobrin)]. *Gumanitarnaya kopylka Kirilla Kobrina* [Kirill Kobrin's Humanitarian Box]. Moscow, 2014, iss. 63. – Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/4182> (accessed 18.05.2020).
20. Pamyati pogibshikh [In Memory of the Dead]. *Sotsialisticheskii vestnik = Socialist Newsletter*, 1933, no. 9.
21. Pamyati tov. A.V. Chernyavskoi [In Memory of Comrade A.V. Chernyavskaya]. *Znamya truda = Labor Flag*, 1909, no. 21–22. (In Russian).
22. Pamyati tovarishcha Varvary Fedorovny Kozhevnikovoi [In Memory of Comrade Varvara Fedorovna Kozhevnikova]. *Proletarii = Proletarian*, 1906, no. 10.
23. Pribylev A.V. Pamyati K.F. Bagryanovskogo [In Memory of K.F. Bagryanovsky]. *Katorga i ssylka = Catorgue and Exile*, 1926, no. 7.
24. Reitblat A.I. Nekrolog kak biograficheskii zhanr [The Obituary as a Biographical Genre]. Reitblatt A.I. *Pisat' poperek: stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [Write Across. Articles on Biography, Sociology and History of Literature]. Moscow, 2014, pp. 195–202.
25. S.R. Pamyati “neizvestnogo”, ubivshogo f. Launitsa [In Memory of the “Unknown” who Killed von Launitz]. *Znamya truda = Labor Flag*, 1907, no. 3.
26. S.F. Mikhalevich (Nekrolog) [S.F. Mikhalevich. Obituary]. *Znamya truda = Labor Flag*, 1911, no. 38.
27. Safronova Yu.A. [Revolutionary Martyrology: Early Biographies of the People in the Context of Religious Martyrdom]. *Revolutsionnye biografii v XIX i XX stoletii. Imperiskie – inter/natsional'nye – dekolonial'nye: 3-ya ezhegodnaya konferentsiya Fonda im. Maksa Vebera* [Revolutionary Biographies in the 19th and 20th Century. Imperial – Inter/national – Decolonial (Max Weber Foundation Conference 2017, German Historical Institute, Moscow)], Moscow, 21-23 September, 2017.
28. Sibiryakov S. Boris Berkov. *Katorga i ssylka = Catorgue and Exile*, 1927, no. 2. (In Russian).
29. Volzhskii S. Pamyati tov. Alekseya Dmitrievicha Dobrosmyslova [In Memory of Comrade Aleksey Dmitrievich Dobrosmyslov]. *Znamya truda = Labor Flag*, 1909, no. 21–22.
30. Tov. Archil Levanovich Dzhaparidze (Nekrolog) [Archil Levanovich Dzhaparidze. Obituary]. *Proletarii = Proletarian*, 1909, no. 41.
31. Tov. Stepko – Vano Intskirveli (Nekrolog) [Stepko – Vano Intskirveli. Obituary]. *Proletarii = Proletarian*, 1908, no. 34.
32. Freifel'd L.V. Pamyati starogo tovarishcha i druga (A.Yu. Feita) [In Memory of an Old Comrade and Friend A.Yu. Feit]. *Katorga i ssylka = Catorgue and Exile*, 1927, no. 2 (31).
33. Frumkin M. Pamyati druga i tovarishcha [In Memory of Comrade and Friend]. *Katorga i ssylka = Catorgue and Exile*, 1928, no. 10.
34. Ya.P. Ivashchenko (Nekrolog) [Ya.P. Ivashchenko. Obituary]. *Katorga i ssylka = Catorgue and Exile*, 1927, no. 2.

35. Yakimova A. Pamyati M.A. Kolenkinoi-Bogorodskoi [In Memory of M.A. Kolenkina-Bogorodskaya]. *Katorga i sylka = Catorgue and Exile*, 1927, no. 2.
36. Yakovleva A. Zhitie kak zhanr drevnerusskoi literatury [Hagiography as a Genre of Old Russian Literature]. *Pravoslavie-RU* [Orthodox Christianity]. 2019, 13 March. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/119869.html> (accessed 18.05.2020).
37. Hoogenboom H. Vera Figner and Revolutionary Autobiographies: The Influence of Gender on Genre. *Women in Russia and Ukraine*. Ed. by R. Marsh. Cambridge, Cambridge University Press, 1996.

The article was received on 14.11.2019.

The article was reviewed on 11.01.2020.